

1.2. ДВАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ: ПУТЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ

Дтеперь обернемся на ушедший век и, помахав ему на прощание, взглянем на него глазами потомков Вениамина Петровича.

Увы, это должен быть грустный взгляд. Изменения за столетие произошли самые что ни на есть разительные и не самые радужные!

Были в XX веке и тихие, спокойные полосы — периоды плавного, эволюционного развития, были и периоды революционных «бури и натиска» (например, урбанистический), а были и самые настоящие общественные и демографические катастрофы.

Последних за столетие набежало столько, сколько никогда прежде не бывало: две мировые войны, одна гражданская, две революции, несколько голодоморов и геноцидов и, наконец, Чернобыль, — зарево и марево всех этих катаклизмов не рассеялось и по сей день.

Россия: территориальные рамки

Стоит начать с беглого очерка трансформации самого понятия «Россия», ее внешних границ и реального территориально-административного содержания. Впервые термин «Россия» прозвучал еще в XV в., но как обозначение государства официально утвердился лишь в начале XVIII в.

Та государственно-территориальная целостность, которую мы привычно ассоциируем с Российской империей, в своих общих чертах сложилась лишь во второй половине XIX в., когда к ней были присоединены такие регионы, как «замиренный» Кавказ, Дальний Восток или Средняя Азия. Но были в те годы и «потери», например, проданная в 1867 г. Аляска.

Неудачными с точки зрения экспансии были и войны начала XX века: в 1905 г. в войне с Японией Россия, согласно Портсмутскому договору, потеряла южный Сахалин и города Порт-Артур и Дальний на Дальнем Востоке, а в 1918 году Брестский мир стоил ей многочисленных земель на западе, включая и Украину.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. не только низложили монархию, но и практически положили начало процессу распада Российской империи: с августа 1917 г. по январь 1918 г. существовала Российская республика, а в январе 1918 г. была конституирована Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), которая в декабре 1921 г. стала одним из учредителей СССР, просуществовавшего до декабря 1991 г. Под эгидой СССР большевикам вскоре вновь удалось собрать в единое государство большую часть земель Российской империи, но уже без Польши, Финляндии и Прибалтики.

Вторая мировая война началась для СССР крайне неудачно. Потери территории и контроля над населением были поистине катастрофическими. Территории, оказавшиеся под оккупацией, к началу 1943 г. составляли 1,926 млн кв. км¹. Проживали на них в довоенное время 88 млн человек, или 46% населения страны². На подвергшихся оккупации территориях работало почти 2/5 несельскохозяйственных трудовых ресурсов СССР — 11,8 из 31,2 млн рабочих и служащих, зарегистрированных в СССР в 1940 г. (К 50-летию..., 1995, с. 25). Часть людей была эвакуирована (приблизительно 10–15 млн человек), часть служила в Красной Армии, но даже при всей приблизительности этих цифр получается, что под оккупацией побывало не менее 60–65 млн советских граждан!³

Части вермахта продвинулись вглубь СССР настолько, что в Берлине сочли разумным передать часть оккупированных территорий под гражданское управление. 17 июля 1941 г. Гитлер издал указ об управлении завоеванными территориями, конституировавший Имперское министерство по делам восточных земель⁴.

Тем же указом Гитлера на территории СССР были введены — и доселе невиданные — территориально-административные единицы. Это, во-первых, **«Округ Белосток»**, управление которым принял обер-президент Восточной Пруссии. Во-вторых, **«Дистрикт Галиция»** в составе Львовской, Станиславской, Тернопольской и Дрогобычской областей и со столицей в Лемберге, или Львове; Галиция была включена в состав **Генерал-Губернаторства** (эвфемизм, созданный для обозначения того, что осталось от

¹ Подсчитано Г. Куманевым (См.: Возрождение..., 1986, с. 7). По округленной немецкой оценке, под их властью находилось 2 млн кв. км с населением около 70 млн человек (Еуропа..., 1943, s. 18).

² По данным переписи 1939 г. — 84,9 млн человек, или 44,5% (К 50-летию победы..., с. 24).

³ Именно эта цифра приводится и в отчетности Комитета по Четырехлетнему плану за 12.02.1942, трудоустроенных было 21.924 тыс. человек, из них 95% (20.846 тыс.) — в сельском хозяйстве (ЦХИДК, ф. 700, оп. 2, д. 17, л. 126; весьма близкие цифры — 22 и 20,8 млн занятых — приводит, по состоянию на 17.09.1942 — и Р.-Д. Мюллер: см. Muller, 1990, s. 774). В литературе, впрочем, встречаются и другие оценки. Так, Г. Куманев минимальной цифрой попавших под оккупацию считает 70 млн человек (Куманев, 1991, с. 16), а Н. Г. Павленко — даже 80 млн (Павленко, 1989, с. 278). Не отстают и А. А. Шевяков, называя патетическую и, на наш взгляд, сознательно завышенную цифру в 78 млн, очищенную от военнотружущих. Самую же «скромную» оценку встречаем у Р.-Д. Мюллера — 55 млн человек (Muller, 1991, s. 234).

⁴ Reichsministerium für besetzten Ostgebiete. Ядром министерства стала «Политическая служба по восточным делам» (Politisches Amt für den Osten), созданная 31.03.1941 и переименованная 20.04.1941 в «Центральный отдел по восточной политике» (Zentralabteilung für die Behandlung von Ostfragen). Руководство этими органами осуществлял лично рейхсминистр А. Розенберг, стоявший до этого во главе внешнеполитической службы НСДАП.

Польша после ее завоевания и расчленения) со столицей в Варшаве. В-третьих, **«Рейхскомиссариат Остланд»** в составе Эстонии, Латвии, Литвы и северной Белоруссии — со столицей сначала в Ковно, а затем в Риге (Оккупация, 1993, с. 232–233). В октябре 1941 г. к ним добавился еще и **«Рейхскомиссариат Украина»** — в составе остальной Украины, южной Белоруссии и Крыма и со столицей сначала в Ровно, а затем в Киеве⁵. На будущее планировались еще два рейхскомиссариата — **Кавказ и Москва**.

Бывшая советская Молдавия, Приднестровье и солидный кусок юго-западной Украины с Одессой во главе составили так называемую **Румынскую оккупационную зону**, состоявшую из трех «губернаторств»: Бессарабии (в составе Молдавии и Измаильской области), Северной Буковины (Черновицкая область) и Транснистрии (Одесская область).

Финляндия, под юрисдикцию которой попали территории к северу от Невы и Свири и Ладожского и Онежского озер, ограничилась созданием **Военного управления Восточной Карелии** и гражданскую администрацию на оккупированной территории создавать не стала.

Представлять себе всю эту нововведенную административную структуру на оккупированных территориях СССР тем более важно, что политика Германии в области труда осуществлялась и регулировалась, скажем, в каждом из рейхскомиссариатов достаточно автономно и не всегда одинаково.

Но в целом Вторая мировая, как бы в чудесном согласии с пактом Риббентропа—Молотова, принесла СССР новые территории вдоль чуть ли не всей западной границы: были аннексированы три прибалтийских государства, вскоре ставшие новыми советскими республиками; Восточная Польша была поделена между Белоруссией и Украиной, к Украине же присоединили Северную Буковину, а Молдова, отторгнутая Румынией в 1918 г., воссоединилась с крошечной Молдавской АССР на левобережье Днестра и вскоре стала еще одной союзной республикой. Война с Финляндией, не принесла СССР военных лавров, все же увенчалась отторжением Карельского перешейка с Выборгом и некоторых других финских территорий, поделенных между Мурманской и Ленинградской областями и Карело-Финской АССР (что было закреплено в 1940 г. ее преобразованием в Карело-Финскую ССР).

Все эти территории, кроме последнего случая, территорию РСФСР не затрагивали. Но территориальные приобретения СССР (и, в частности, РСФСР) продолжились еще до окончания войны: так, в 1944 г. в состав СССР была включена Тува, бывшая до этого суверенным государством (а фактически — протекторатом).

После окончания Второй мировой войны территориальные рамки СССР и, в частности, РСФСР изменились: в состав последней вошли часть бывшей Восточной Пруссии (в виде анклава — отдельной Калининградской области), а также Курильская гряда и южная часть острова Сахалин (из которых в 1947 г. была сформирована Сахалинская область). Еще одним крупным изменением состава РСФСР стала передача в 1954 г. Украине Крымской области.

⁵ Управлялись они гауляйтерами, т. е. заместителями нацистской партии, что принципиально ничем не отличалось от первых секретарей обкомов ВКП(б).

Учет населения

Прежде чем охарактеризовать население России, скажем несколько слов о технологии его учета и измерения, иными словами — о демографической статистике и прежде всего о переписях.

Первая (и единственная) Всеобщая перепись населения Российской империи состоялась 9 февраля (28 января по старому стилю) 1897 г. Сам В. П., вместе со своим отцом Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским, принимал участие в ее подготовке и проведении (он возглавлял один из переписных участков в Петербурге, на Васильевском острове), а также в ее научном осмыслении, ярким доказательством чего, собственно, и служит книга «Город и деревня...».

Советская власть подхватила эстафету имперских статистиков, и уже 2 июня 1918 г. провела свою первую выборочную перепись — Перепись населения Петрограда. Перепись населения по состоянию на 28 августа 1920 г., охватившая лишь часть территории и населения страны, и Городская перепись, проведенная 15 марта 1923 г., также были не всеобщими. Первой полноформатной Всесоюзной переписью стала Перепись населения на 17 декабря 1926 г., во многом (например, по широте и демократичности программы или степени опубликованности) и по сей день остающаяся непревзойденным образцом. Зафиксировав население России (в современных границах) на уровне 93,6 млн человек, она стала надежной точкой отсчета для многих статистических рядов.

Перепись населения СССР на 6 января 1937 г. по праву называют «репрессированной переписью»: ее результаты серьезно разошлись с сильно преувеличенными партийными оценками численности населения СССР, в результате чего ошибочной была признана именно перепись; ее организаторов репрессировали, а полученные результаты засекретили (часть из них впервые была опубликована только в 1990 г.). Для «исправления» ее результатов 17 января 1939 г. была проведена новая перепись, но и она не дала «желаемой» численности, так что ее результаты были искусственно увеличены почти на 3 млн человек. Следующая перепись была проведена спустя целых 20 лет — 15 января 1959 г., после чего они проводились достаточно регулярно, в среднем каждые 10 лет (15 января 1970 г., 17 января 1979 г. и 12 января 1989 г.).

К сожалению, новая Всероссийская перепись населения, намеченная на январь 1999 г., из-за недостатка средств была перенесена на более поздние сроки и состоится осенью 2002 г. Для характеристики бурных событий последнего десятилетия века исследователям приходится довольствоваться несовершенными данными текущего учета и результатами проведенной в 1994 г. выборочной микропереписи, охватившей 5% населения России.

Население России размещено по ее территории крайне неравномерно. Россия в целом — относительно слабо заселенная страна (средняя плотность населения — 8,6 человека на кв. км). Но если Европейская часть России по плотности населения еще сопоставима со многими развитыми странами (здесь она примерно такая же, как в США), то в азиатской части, занимающей 75% территории страны, проживает всего 22% населения, а плотность населения чрезвычайно низка (2,5 человека на 1 кв. км). Демогра-

фический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств, да и вообще для создания достаточно развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры даже в пределах так называемой *«Главной полосы расселения»*, сужающимся клином протянувшейся вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

Динамика населения России и демографические катастрофы: периодизация

Во второй половине XVI в. в тогдашней России проживало не более 7 млн человек, а к концу XVII в. — 10,5 млн. Если говорить о территории нынешней РФ, то за два столетия — от середины XVIII до середины XX в. — ее население выросло по меньшей мере в 7 раз (**табл. 1.2.1**). Трижды за два с небольшим века — в начале 1820-х, в конце 1880-х и в начале 1960-х — происходило удвоение численности населения этой территории.

Интересно, что собственно за XX век население России все таки тоже удвоилось, по преимуществу за счет могучего естественного прироста сельского (более 85%) населения страны, еще не знавшего аборт, презервативов и советской власти. На этом демографически мажорном фоне и разыгрались позднее все те ужасные события, которые мы обозначили как демографические катастрофы. Не будь их — население могло бы и утроиться. Демографического задела начала века на все столетие все же не хватило, и, несмотря на иммиграционную подпитку из стран ближнего зарубежья, население России на излете века стало попросту сокращаться.

Не следует, однако, думать, что динамика численности населения России — это прямо и ровно растущая кривая. Российская история «позаботилась» о том, чтобы сделать эту кривую и волнообразной, и щербатой: войны, революции, эпидемии, голод и неурожай — вот главные «враги» такой «гладкости» роста населения и, стало быть, «виновники» демографических кризисов.

Начиная с XIX в., по меньшей мере восемь раз темпы прироста населения опускались за нулевую отметку. Пять раз это происходило в XIX в., причем сплошь в первой его половине: дважды в 1811–1815 гг. — вследствие русско-турецких войн 1806–1812 гг. и наполеоновских войн; затем в 1830–1831 гг. — вследствие эпидемии холеры; потом в 1839–1940 гг. — вследствие сильного неурожая и, наконец, в 1848–1849 гг. — вследствие эпидемии холеры и неурожая. Еще дважды — уже во второй половине века — прирост населения вплотную приближался к нулю, но нуля все-таки не достигал: это происходило в 1855–1856 гг., вследствие Крымской войны, и в 1891–1902 гг., вследствие неурожая и голода.

Но XIX в., по счастью, не испытал столь обширных, столь глубоких и столь длительных демографических кризисов, как те, что на плечах социально-политических потрясений и катаклизмов принес с собой в Россию XX в.

Таблица 1.2.1. Рост численности населения на территории Российской Федерации

Год	Численность населения, млн человек
1745	15,4
1800	26,7
1850	42,4
1900	71,1
1910	85,4
1920	88,2
1930	100,6
1940	110,1
1950	101,4
1960	119,0
1970	130,1
1980	138,3
1990	148,0
2000	145,9

Источники: Народнонаселение, 1994, с. 397–398 (до 1950 г.); Численность.., 2000, с. 10.

Самый глубокий демографический кризис предыдущего столетия (1811 г.) характеризовался отрицательным приростом населения в один с лишним процент, что не идет ни в какое сравнение с аналогичным показателям для кризисов XX в., глубина провала для которых фиксировалась между 2,5 и 4%!

Концентрированной проекцией таких кризисов на демографическое развитие общества являются демографические катастрофы, т. е. периоды, когда резко сокращается рождаемость и повышается смертность (в том числе детская), и естественное движение населения по крайней мере на несколько лет подряд приобретает отрицательный знак. При этом образуются так называемые демографические волны, которые, раз возникнув, впоследствии многократно воспроизводятся и в последующих поколениях.

В XX же веке в России наблюдалось по меньшей мере три демографические катастрофы — все в первой половине столетия, каждая длительностью в 7–9 лет и каждая сопровождалась одной или несколькими вспышками голода:

- 1) 1915–1922 гг.: Первая мировая и Гражданская войны;
- 2) 1930–1936 гг.: коллективизация;
- 3) 1941–1948 гг.: Великая Отечественная война и послевоенная разруха.

Общие демографические потери во время этих катастроф можно оценить только условно и только экспертным или расчетным путем, с теми или иными допущениями. Для современной территории РФ оценки потерь населения в периоды катастроф составляют: для первой — 12 млн человек, или 13% предкризисной численности населения; для второй — 5 млн человек (или 5%) и для третьей — 21 млн человек (или 19%). Если учесть и косвенные потери, т. е. предположить, что темпы прироста сохранялись бы на уровне, предшествовавшем катастрофам, то расчетная величина потерь составила бы для первого кризиса — 18,6 млн человек, для второго — 6,5 млн человек и для третьего — 24,5 млн человек.

Начало века: столыпинские реформы и всплеск эмиграции

В прочем, самое начало века, отмеченное и неурожаем, и голодом, ознаменовалось все же отнюдь не катастрофой, а грандиозной попыткой реформирования экономических основ жизни численно доминирующего сословия — крестьянства. Суть этой аграрной реформы, ассоциирующейся с именем П. А. Столыпина и имевшей самое серьезное влияние на эволюцию и характер будущего сельского расселения России, заключалась «всего лишь» в отмене многих существенных ограничений в правовом статусе российского крестьянства в целом и в ликвидации монопольного положения общины в деревне⁶.

Пространственным результатом Столыпинских реформ стало усиление оттока из перенаселенных районов, где по некоторым данным выселение достигало 30–50% естественного прироста (Рыбников, 1928). Отсюда уезжали и раньше, но Столыпинская реформа изменила потоки миграций. До этого они направлялись в основном в большие города и на юг страны, Столыпин повернул потоки на восток. Однако укоренилось (водворилось) за Уралом около половины прибывших, остальные либо возвратились назад, либо оставались к 1914 г. еще не устроенными (табл. 1.2.2).

При этом малоземелье Центральной России, лекарство от которого виделось в массовом переселении за Урал беднейших крестьянских масс, привлекаемых туда разными льготами и преференциями, осталось непреодоленным. Общее число переселенцев за 1906–1915 гг. составило более 3 млн человек, но из них как минимум каждый пятый вернулся назад. Позднее, когда Столыпин в столь быстром и массовом переселении почувал угрозу «чрезмерного ослабления плотности русского населения в западной полосе Европейской России», он, скрепя сердце, отказался от своей мечты (Корелин, Шаццило, 1995, с. 27–30).

С аграрной перенаселенностью был связан и мощный поток трудовой эмиграции из России во второй половине XIX — начале XX в., носивший преимущественно экономический характер. За 1851–1915 гг. Россию покинуло 4,5 млн человек, в основном крестьян, ремесленников и чернорабочих. В то же время рост эмиграции еще какое-то время не сопровождался формированием и ростом российской диаспоры, поскольку подавляющее большинство дореволюционных эмигрантов сами были иностраннопод-

⁶ См. главу 3.5.

Таблица 1.2.2. Переселение крестьян за Урал и обратно в 1906–1914 гг.

Годы	Переселено, человек	Водворено в % от прибывших	Возвратилось в % от прибывших
1906–1910	2 612 843	45	22
1911–1914	1 159 308	57	39

Рассчитано по: Россия, 1995, с. 24.

данными — в основном, выходцами из Германии (более 1 400 тыс. человек), Персии (850 тыс.), Австро-Венгрии (800 тыс.) и Турции (400 тыс. человек) (Кабузан, 1996, с. 307). Начиная с 1870-х гг. европейское и, отчасти, азиатское направления российской эмиграции сменились на американское: за 1871–1920 гг. в Канаду, США и другие страны Нового Света переселилось около 4 млн человек (там же, с. 313).

Особенно выделялась при этом еврейская эмиграция. Если за 1870–1890 гг. в США переселились 176,9 тыс. российских евреев, то к 1905 г. их число достигло 1,3 млн (Ахиезер, 1994, с. 44–45). Всего, по данным Ц. Гительмана, из России за 1881–1912 гг. эмигрировало 1,9 млн евреев, из них 84% в США, 8,5% — в Англию, 2,2% — в Канаду и 2,1% — в Палестину. В этот период, напомним, российские евреи составляли около 4% населения Российской империи, но на них приходилось до 70% всей еврейской эмиграции в США, 48% всей иммиграции в США из России и 44% всей эмиграции из России⁷.

На затухающую амплитуду аграрно-расселенческих преобразований и на экспоненциальный рост населения наложилось начало Первой мировой войны и, соответственно, первой из демографических катастроф России.

Первая демографическая катастрофа (1915–1922 гг.)

Не обойти вопросов и о потерях российского населения в двух обогривших столетие мировых войнах⁸. При этом интерпретация этих потерь не как сугубо военных (так называемых безвозвратных потерь), а как потерь именно демографических, учитывающих как прямые жертвы среди мирного населения, так и многочисленные разновидности косвенных, спровоцированных войною потерь, неизменно сталкивалась со смесью недопонимания и сопротивления. А это в свою очередь искажало и деформировало правду истории.

⁷ Гительман, 1995, с. 18. Если в 1870-х гг. их доля среди всех российских иммигрантов в США составляла 42%, то в 1880-е гг. — уже 58%; в 1890-е и 1900-е гг. она снизилась до 36 и 44% (Попов, 1998, с. 30–31).

⁸ Впрочем, счет такого рода потерям был открыт еще во время войны с Японией в 1904–1905 гг., когда Россия потеряла более 50 тыс. человек убитыми и около 60 тыс. взятыми в плен (см.: Население России в XX веке, 2000, с. 24–25).

Первая демографическая катастрофа (1915–1922 гг.)

Так, оценка боевых потерь в годы Первой мировой войны (считая ее началом 1 августа 1914 г., а концом — 11 ноября 1918 г., а не 3 марта 1918 г., когда был заключен Брестский мир, не остановивший тем не менее ни боевых действий, ни оккупации 1 млн кв. км с 65–67 млн мирных жителей на ней) колеблется весьма значительно — от 0,5 млн до 4,0 млн человек.

Согласно данным текущего учета Центрального статистического комитета МВД Российской империи, общая численность населения России на 1 января 1914 г. составляла 185,2 млн человек, из них 178,9 млн жителей метрополии и еще около 6,3 млн человек, проживавших в автономиях, в частности, в Финляндии (3,3 млн человек), Хивинском ханстве, Бухарском эмиратстве и Урянхойском крае. По имитационно-прогностической модели, численность населения России должна была бы составить 195,2 млн человек, но в действительности она составила всего лишь около 110 млн человек, или на 43,5% меньше! Эти потери населения были обусловлены в первую очередь потерями территории: около 17 млн человек проживало на территориях, ставших в 1917 г. суверенными (Польша и Финляндия) и 50 млн на территориях, фактически оккупированных войсками Германии, Австро-Венгрии или Турции ко времени завершения войны. Все остальное (порядка 8–10 млн человек) приходится на косвенные потери (уменьшение рождаемости и увеличение смертности в результате военных действий). Суммарные демографические потери населения России от одной только Первой мировой войны оцениваются специалистами приблизительно в 10 млн человек. Но еще труднее выделить и определить демографические потери в результате Гражданской войны и интервенции в 1918–1922 гг.!

Кроме безвозвратных демографических потерь, следует не упустить из вида миллионные перемещения мирных жителей — эвакуированных, депортированных или самостоятельно бежавших из районов, прилегающих к зоне боевых действий.

Подчеркнем, что в годы Первой мировой войны именно Россия выступила главным (хотя и не единственным) инициатором и поборником «превентивных этнических чисток» и депортаций. И это не удивительно, поскольку именно ей принадлежит и «честь» многолетней научной и идеологической проработки этих вопросов. Ведущие российские военные статистики конца XIX века — А. Макшеев, Н. Обручев и, в особенности, В. А. Золотарев — разработали специфическую доктрину, которую правильно было бы обозначить как **«географию неблагонадежности»**⁹. Она исходила из реальной территориальной дифференциации «благонадежного» и «неблагонадежного» населения, а также из их соотношения на конкретной местности: к первой группе относилось преимущественно славянское население, ко второй — евреи, немцы, поляки, народы Кавказа, Средней Азии и т. д. Только те районы считались благоприятными по благонадежности, где русское население составляло не менее 50%. Градиент благонадежности, по Золотареву, сокращался по мере продвижения от центра к окраинам империи. На случай войны давались рекомендации по экстренному «исправлению» этого «положения», особенно в приграничных районах. В качестве наиболее эффективных средств назывались взятие гражданских заложников, конфискация или уничтожение имущества или скота, а также депортации по признакам гражданской и этнической принадлежности.

⁹ См.: Хольквист, 1998. Впрочем, аналогичные идеи имели хождение и популярность и в соответствующих кругах Германии и Австро-Венгрии.

Собственно говоря, и депортация евреев из Москвы в 1891 г. была лишь реализацией научно обоснованной военно-статистической концепции о еврейской избыточности в этом городе.

Тем более это справедливо по отношению к депортационным операциям на западной границе России по ходу Первой мировой войны. Одной лишь военной необходимостью, как справедливо замечает П. Хольквист, эти меры не объясняются: «Их смысл становится понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможности трансформации структуры населения либо путем введения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее» (Хольквист, 1998, с. 39–40).

На практике интернировали и вовсе без особого разбора, весь контингент именовался «гражданскими пленными». Высшей точкой этого беспредела стал приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича от 5 января 1915 г.: очистить 100-верстную полосу вдоль русских берегов Балтийского моря от всех германских и австро-венгерских подданных в возрасте от 17 до 60 лет, причем отказывавшиеся уезжать объявлялись немецкими шпионами. И лишь спустя некоторое время, под давлением общественности и ряда отрицательных последствий, эти репрессии были несколько ослаблены, но только выборочно, — главным образом, для представителей славянских народов (Нелипович, 1996).

По некоторым оценкам, депортации на западе затронули около 1 млн человек, половина из которых — евреи, а треть — немцы¹⁰. Общее же количество гражданского населения, стронутого той войной с мест своего постоянного проживания на территории России, составило, по оценкам П. Гатрелла, от 5 до 6 млн человек (Gatrell, 1999). Ими были буквально переполнены все западные и центральные губернии Европейской России, и у только что помянутого П. Гатрелла были все основания назвать свою книгу «All Empire moving» — «Вся Империя движется». В этой своеобразной массовой «прививке» насильственных перемещений и навязанной людям бездомности, во многом расшатавшей патриархальные устои не только города, но и деревни, — ключ к пониманию многих послевоенных и послеволюционных событий и процессов, которые так и хочется назвать роковыми.

В целом же приходится констатировать, что подход царского правительства к «враждебно-подданым» интернированным во многом предвосхитил страшные черты депортационной политики советского государства.

Не лишним будет указать и еще на одно событие, имевшее место в феврале 1917 г. (т. е. посреди этого катастрофического периода) и весьма примечательное в расселенческом отношении. Речь идет об отмене черты оседлости для евреев, подвергавшихся в царской России стабильной и планомерной дискриминации¹¹ и неоднократно становившихся жертвами физического насилия — погромов или принудительных выселок (как, например, депортации из Москвы и Ростова-на-Дону в 1891–1892 гг.).

¹⁰ Эта оценка принадлежит Эрику Лору, защитившему в 1999 г. в Гарвардском университете диссертацию о политике России ко отношению к инородцам во время Первой мировой войны (см.: Хольквист, 1998, с. 38–39).

¹¹ Например, запрет на приобретение или аренду земли, дискриминационные ограничения и «нормы» при поступлении в гимназии, реальные училища, университеты и т. п.

Пресловутую же «черту оседлости», включавшую Правобережную Украину, Польшу, Литву и Белоруссию, а также Бессарабию и Крым, ввела для них просвещенная императрица Екатерина II. Мало того, что евреям нельзя было жить за ее пределами, им и внутри этой «черты» были заказаны, с одной стороны, сельская местность, а с другой, большие города (так, в 1887 г. запрет был распространен на Ростов-на-Дону и на Таганрогский уезд). Так были заложены насильственные основы уникальной мелкогородской, или «местечковой», культуры российского еврейства, вынужденного тесниться не только географически, но и социально-экономически: мелкое ремесло да мелкая торговля — вот, собственно, и почти все, с чем у евреев мирилось царское правительство.

Однако начало века и особенно годы Первой мировой и Гражданской войн ознаменовались эпидемией антисемитизма и едва не обернулись катастрофой для российского еврейства. Начало погромной волны было положено еще при Николае II: в 1903 г. произошел двухдневный погром в Кишиневе с 48 жертвами, в 1905 г. была запущена столь эффективная, с точки зрения антисемитов, фальшивка, как «Протоколы сионских мудрецов». В том же году «Союзом русского народа» было инспирировано более 700 погромов, а вторая волна погромов накрыла Россию в 1911–1913 гг., в связи с инсценированным властями «делом Бейлиса». Всего же в 1881–1914 гг. от рук погромщиков погибло около 2000 евреев.

Но своей кульминации еврейские погромы достигли в годы гражданской войны, причем погромщиками были и белогвардейцы, и белополяки, и петлюровцы, и григорьевцы, и красноармейцы: от них пострадало не менее 700 еврейских общин на Украине и более 100 в России, причем одних только убитых насчитывалось около 70 тыс. (Пятецкий, 1993, с. 6). Никогда еще на территории России еврейские погромы и массовые убийства не принимали таких масштабов.

Кстати, именно погромы и высылки (депортации) привели к уже упоминавшейся массовой эмиграции российских евреев за границу, главным образом в Америку и Палестину, развернувшейся в 1891 г. и остановленной только началом боевых действий в 1914 г.

Февральская революция 1917 г. принесла российским евреям избавление от их многовековой и жестокой дискриминации: не только «черта оседлости» была ликвидирована, но и остальные гражданские права были им впервые предоставлены в полном объеме. Само по себе это стало предпосылкой весьма скорой и повышенной концентрации еврейского населения в крупнейших городских центрах и метрополитенских ареалах страны, что привело к тому, что народ, искусственно изолированный от большинства ядер крупногородской среды, за считанные десятилетия стал самым урбанизированным из всех народов огромной многонациональной державы, какой являлся СССР.

Судя по многочисленным воспоминаниям современников, реакцией городского населения на обстоятельства гражданской войны стало массовое бегство в сельскую местность, названное Л. Троцким «дезертирством в деревню» (Троцкий, 1927).

Даже столицы не избежали этой печальной участи, их людность упала, а сквозь тротуары и булыжные мостовые, к изумлению современников, начала пробиваться... травяная зелень! «Трава на петербургских улицах, — писал в 1920 г. О. Мандельштам (в статье «Слово и культура»), — первые побегι девственного леса, который покроет место современных городов». Это пророчество хоть и не сбылось, но все-таки грозно прозвучало.

Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.)

Ядром второй демографической катастрофы века стала сталинская коллективизация, начавшаяся в 1930 г. Впрочем, не будет большой натяжкой уподобить и ее войне, — гражданской войне, развязанной правящей партией против зажиточных крестьян как наиболее дееспособной части наиболее массового социального слоя России — крестьянства. Районами сплошной коллективизации, откуда, начиная с 1930 г., осуществлялась и высылка, являлись основные зернопроизводящие районы страны.

Составной и неотъемлемой частью идеологии **раскулачивания**, в центре которой стояли недопущение кулака в колхозы, экспроприация его имущества, изоляция и депортация (а при сопротивлении — и уничтожение) кулачества как класса, явилась «кулацкая ссылка». Самих раскулачиваемых поделили при этом на три категории: 1) «контрреволюционный актив»: их заключали без суда в концлагеря и даже расстреливали (членов их семей могли отправить на спецпереселение, причем первоочередным порядком, но могли и оставить дома; позднее, в 1931–1932 гг., представителей первой категории как бы перевели во вторую, отправив и их на спецпереселение, и по возможности с семьями); 2) «костальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полупомещики»: их выселяли в отдаленные местности СССР или отдаленные местности данного края; 3) оставляемые в пределах района кулаки: их сселяли в небольшие поселки на землях за пределами колхозных угодий. При этом ни Сибирь, ни Казахстан как регионы межкраевого вселения кулаков значительной роли тогда не сыграли. Большинство раскулаченных отправили на европейский Север и на Урал, причем в пропорции 3:1. Новыми «уральцами» стали поголовно все кулаки с Северного Кавказа, большинство крымских и половина белорусских кулаков. В Северный край было депортировано кулачество Украины, ЦЧО и Поволжья (не считая половины белорусских и части крымских кулаков).

Расселяли кулаков небольшими поселками под управлением комендантов (так называемые «трудовые поселки»), именуя их при этом «спецпереселенцами» (до 1934 г.), затем «трудпоселенцами» (в 1934–1944 гг.), а с 1944 г. — «спецпоселенцами». Права и обязанности спецпереселенцев и административное управление спецпоселками регламентировались особыми положениями и инструкциями центральных и местных органов власти, а с 20 мая 1931 г. — органов ОГПУ¹². Управлялись спецпоселки спецкомендатурами, во многих случаях фактически являвшимися неформальными низовыми органами советской власти на местах. Точное число спецпоселков в 1930 и 1931 гг. не-

¹² Все спецпоселки были переданы в ведение ОГПУ 20.05.1931.

Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.)

известно, ориентировочно их было более 2000, из них в одной только Уральской области — 574 (Ивницкий, 1996, с. 242–243). Считалось, что спецпоселки раскулаченных должны были состоять из 30–50 дворов и только в исключительных случаях превышать 100 и более дворов¹³ (правда, существовали спецпоселки в 250 и даже в 500 дворов).

Интересно, что идея спецпоселков оказалась почти что слепком с идеи северных «колонизационных поселков», высказанной тогдашним наркомом внутренних дел Г. Ягодой применительно к «расселению» ГУЛАГа и в связи с установкой о переводе заключенных из тюрем в лагерь. 12 апреля 1930 г. он направил нескольким ближайшим сотрудникам проект преобразования лагеря («...только сборище заключенных, труд которых мы используем на сегодняшний день, не давая перспективы заключенным, не давая ее себе») в «колонизационный поселок», где зэк жил бы вне работы свободнее (хоть в избе вместо барака), куда он мог бы даже выписать семью, где он поэтому охотнее и «добровольнее» бы трудился, но где и жил бы он зато подолее срока, в идеале до конца своих дней. В число жителей таких поселков предлагалось включать и ссыльных. Поселки, согласно проекту, числились бы под номерами и состояли из 200–300 дворов, управляясь комендантом, которому для поддержания порядка была бы придана охрана в 10–15 человек (Дугин, 1999а, с. 8–9).

Всего же к концу 1930 г. из районов сплошной коллективизации было переселено 78 тыс. семей кулаков третьей категории, насчитывавших 372 тыс. человек¹⁴. С учетом внутрикраевой миграции (по состоянию на 1 января 1931 г.) общее количество депортированных в 1930 г. кулаков составило 109 тыс. семей, или 530 тыс. человек, а с учетом переселений кулаков третьей группы — 161 тыс. семей и около 780 тыс. человек. Формально из этого числа следовало бы вычесть 18 473 «одинок особого назначения», высланных из пограничных районов Украины и Белоруссии хотя и одновременно с раскулаченными, но совершенно по другой линии — в порядке «зачистки границ» и вне зависимости от социального статуса (среди них, понятно, были и середняки, и бедняки). Таким образом, суммарное число лиц, раскулаченных и депортированных в течение 1930 г., составляло около $\frac{3}{4}$ млн человек.

На местах, однако, оставалось не менее 1 млн уже раскулаченных кулаков, судьба которых была, в сущности, предрешена: их ждали голодная зима и неминуемая ссылка. Многих, естественно, это не устраивало, и по всей зоне сплошной коллективизации прокатились крестьянские волнения, убийства колхозных активистов и агитаторов. Но большинство все же бунту предпочитало иную форму протеста — бегство на отхожие промыслы.

Следующая волна депортаций фактически развернулась в середине марта 1931 г. Можно сказать, что главным изменением географии выселения кулаков в 1931 г., по сравнению с 1930 годом, было резкое расширение пространства раскулачивания, а в гео-

¹³ Так, в Северном крае верхним потолком людности спецпоселка считались 120 семей (Ивницкий, 1996, с. 232).

¹⁴ В целом это составило лишь около $\frac{1}{5}$ всех раскулаченных в 1930 г. (весной выселение было временно приостановлено в связи с начавшимся севом и «перегнбами» в коллективизации и раскулачивании).

графии вселения — резкое сокращение удельного веса Северного края и увеличение удельного веса Сибири и Казахстана (при сохранении значительной роли Урала¹⁵).

В 1931 г. было раскулачено около 200 тыс. хозяйств, т. е. вдвое меньше, чем в 1930 г., зато выслано было вдвое больше: 163 тыс. семей, или 787 тыс. человек (Ивницкий, 1996, с. 194). С учетом внутрикраевого переселения, по данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, в течение 1930–1931 гг. было выселено 388 336 семей, или 1,8 млн человек¹⁶. С учетом приблизительно 250 тыс. кулаков третьей категории, переселенных в 1930 г., суммарное количество депортированных за два года кулаков составило около 2,05 млн человек!

Больше всего раскулаченных за 1930–1931 гг. «поставила» Украина — 63,7 тыс. семей. На втором месте — уже Западная Сибирь (52,1 тыс. семей), но в пяти регионах — Северном, Западно- и Восточно-Сибирских и Дальневосточном краях, а также в Казахстане — переселения были исключительно внутрикраевыми. Сюда же можно добавить Урал, где на внутрикраевое переселение приходилось около 95%, и Башкирию (около половины). Тем самым вся Азиатская и существенная часть Европейской части СССР стали зоной внутрикраевого характера «кулацкой ссылки». Это и не удивительно, если вспомнить, сколь обширными были соответствующие административные единицы.

В 1932 г. положение со спецпереселенцами-кулаками начало стабилизироваться (к началу 1933 г. практически весь этот контингент состоял из раскулаченных). Причем если в 1930 г. государство привлекали даже не столько они сами, сколько их конфискованное имущество и земли, то в 1931–1932 гг. и их самих стали рассматривать как вполне небесполезную «рабсилу», отчего — пытаясь внести экономическую рациональность в политическую стихию — стали больше беречь и даже защищать от произвола «работодателей».

Это нашло свое отражение и в географии вселения раскулаченных спецпереселенцев. Тут, как нам кажется, наблюдается аналогичная тенденция: от «политики» — к «экономике», от «сверхэкстенсивности» к просто «экстенсивности» и от размашистых и жестоко-романтических планов Г. Ягоды по колонизации насильственным трудом заключенных и спецпоселенцев Севера и других «отдаленных местностей» (подчас и вовсе не освоенных территорий, откуда и бежать некуда) — к более локализованному, более прагматичному и интенсивному проекту конкретного регионального развития, что скорее соотносится с тактическими, нежели стратегическими задачами (см. ниже).

Поэтому отчетливое преобладание севера Европейской части в начале коллективизации в 1930 г. сменилось ориентацией на заселение Урала и Казахстана в 1931 г., а затем и Западной Сибири (Нарымский край) в 1931–1933 гг. Последнее, впрочем, может быть воспринято и как рецидив экстенсивного освоения.

¹⁵ На Урал в 1931 г. планировалось переселить 55 тыс. семей, из них 30 тыс. из Украины, 15 тыс. с Кавказа и по 5 тыс. из Белоруссии и Ивано-Вознесенской обл. (Ивницкий, 1996, с. 191–192).

¹⁶ Земсков, 1994, с. 118, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 205 (в более ранней работе он приводит несколько иное число семей — 384 334: см. Земсков, 1990, с. 3). Число прибывших на место всегда было меньше количества высланных, чему виной высокая смертность при транспортировке и побегу.

Вторая демографическая катастрофа (1930–1936 гг.)

В 1932 г. на спецпоселение поступило 71 236 чел. (Ивницкий, 1996, с. 196) из других регионов (т. е. без учета внутрикраевого переселения), причем большая их часть (39,4%) несколько неожиданно была направлена в Среднюю Азию, опередившую Казахстан (16,2%) и Урал (14,2%). В 1933 г. число поступивших спецпоселенцев составило 268 091 человек (там же, с. 202).

Суммирование этой цифры с числом кулаков, депортированных в 1930–1932 гг. (с учетом кулаков третьей категории в 1930 г., но без учета внутрикраевого переселения в 1932 г.), дает гигантский итог приблизительно в 2 540 тыс. человек, из которых 81% приходится на первые два года.

Зимой 1932/1933 г. возник еще один миграционный фактор, непосредственно вызванный коллективизацией, оторвавшей от земли наиболее эффективного ее собственника: недополученный урожай и изъятие «хлебных излишков» в конечном итоге и привели к повальному голоду на юге страны, в частности, на Украине, Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, где голодало не менее 25–30 млн человек. Посланные в эти регионы комиссии ЦК находили на местах «подкулачников» и прочих виновников, исключали из партии мелких партийных и советских деятелей¹⁷, арестовывали десятки и сотни тысяч крестьян, в том числе и по печально известному «закону о колосках» от 7 августа 1932 г.¹⁸, а целые станицы и села заносили на «черную доску»: так, в декабре 1932 г. около 5 тыс. хозяйств из ряда кубанских станиц (в частности, Медведовской, Урупской и Полтавской, переименованной после этого в Красноармейскую) общей людностью более 11 тыс. человек — выселили, главным образом, в Северный Казахстан и на Урал¹⁹. На их место принудительно заселяли демобилизованных красноармейцев²⁰.

За период с осени 1932 и по апрель 1933 г. население СССР сократилось на 7,7 млн человек, в том числе на Украине на 4 млн человек и примерно по 1 млн человек потеряли Северный Кавказ, Поволжье и Казахстан (Ивницкий, 1996, с. 224).

Исключительно тяжелая ситуация сложилась в 1933 г. в Казахстане, где в результате голода и коллективизации поголовье скота сократилось на 90%. «Большой скачок»

¹⁷ Всех бывших коммунистов, исключенных за срыв хлебозаготовок, высылали, наравне с кулаками, в северные области (Ивницкий, 1996, с. 215).

¹⁸ См.: Ивницкий, 1996, с. 203–225. Этот закон предусматривал расстрел и не предусматривал амнистии.

¹⁹ См.: Зеленин, 1989, с. 11; Ивницкий, 1996, с. 211. Н.В. Палибин (возможно, ошибочно) приводит несколько другой перечень занесенных на черную доску станиц: Темиргоевская, Уманская и Полтавская. Описывая процесс выселения из Полтавской, свидетелем чего он являлся, автор подчеркивал, что в данном случае высылке, причем под угрозой расстрела, подверглись также колхозники-середняки и бедняки. См. приказ № 1 коменданта станицы Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края Кабаева от 17.12.1932 о выселении за саботаж хозяйственных мероприятий советской власти всех жителей станицы, кроме «доказавших на деле свою преданность» (Палибин, 1988, с. 152–153, 193–196).

²⁰ Сама по себе практика принудительного расселения демобилизованных началась еще раньше, по крайней мере в 1929–1930 гг., когда прорабатывалась идея создания «красноармейских колхозов» вдоль границ СССР. Так, например, в 1931 г. ЦК ВКП(б) и Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) приняли совместное решение о направлении двух полков демобилизованных красноармейцев на строительство Вахшской ирригационной системы в Таджикистане (см.: Курбанова, 1993, с. 59).

в животноводстве (вплоть до поголовного обобществления скота, даже мелкого) и политика принудительного «оседания»²¹ кочевого и полукочевого казахского народа обернулись не только голодом и гибелью от 1 (по Зеленину) до 2 (по Абылхожаеву и др.) млн человек, но и массовой откочевкой казахов. Ею, по данным Зеленина, было охвачено не менее 400 тыс. семей, или около 2 млн человек, а по данным Абылхожаева и др. — 1 030 тыс. человек, из которых 414 тыс. вернулось в Казахстан, примерно столько же — осело в РСФСР и республиках Средней Азии, а остальные 200 тыс. ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. Разумеется, это был достаточно длительный процесс, начавшийся в конце 1931 г. и нараставший от весны 1932 к весне 1933 г. (Абылхожаев и др., 1989, с. 67–69). Покинутые же людьми места приходили в упадок, все постепенно разрушалось²².

По-видимому, это послужило одной из причин бросающейся в глаза концентрации в последующем этнически депортированных спецпереселенцев и административно высланных именно в Казахстане, а также в республиках Средней Азии.

Голодомор 1932–1933 гг. имел самые разные последствия и принес множество проблем. Не последней среди них была проблема заселения территорий, особо пострадавших от голода и раскулачивания, где в результате попросту не хватало рабочих рук. Такими регионами, в частности, оказались Украина, Северный Кавказ (главным образом Кубань) и Поволжье. Естественный прирост в них (а также в Центрально-Черноземной обл.) в 1933 г. был феноменально отрицательным как по городскому, так и по сельскому населению. Суммарный же «недород» населения составил по одной только УССР 1 459, по Северному Кавказу — 278 и по Среднему и Нижнему Поволжью — 175 тыс. человек²³.

Следует отметить, что, начиная с марта 1933 г., «монополия» раскулаченных крестьян на статус спецпереселенца закончилась, поскольку начались и участились (главным образом в западных и центральных районах) разнообразные «чистки» больших городов и приграничных территорий от «социально-опасных» и «деклассированных» элементов. Чистки нередко напоминали облавы, людей хватали на улицах и бросали в теплушки, уже подготовленные для отправки в Сибирь. В одном только Томске, по данным В. Макшеева, в мае 1933 г. собралось около 25 тыс. москвичей, ленинградцев, сочинцев и т. д. В обиходе появился и такой термин, как «новый контингент», призванный отделить «новичков» от «старого» контингента раскулаченных (Макшеев, 1997, с. 52–65).

К 1935 г. все пограничные районы в обязательном порядке были очищены от кулаков и прочих неблагонадежных. 17 января 1935 г. Г. Ягода писал Сталину о «политической нежелательности» возвращения восстановленных в гражданских правах трудпосе-

²¹ Правильнее было бы сказать — по «оседланию»!

²² За 1926–1939 гг. число казахов сократилось на 867,4 тыс., составив всего 3 100,9 тыс. человек (см.: Зеленин, 1989, с. 6). Ср. другую оценку — 1 321 тыс. человек — в: Абылхожаев и др., 1989, с. 65–67.

²³ См.: Осокина, 1991. Примечательно, что данные по естественному приросту в Казахстане в центральные статорганы не поступили.

Третья демографическая катастрофа (1941–1948 гг.)

ленцев в места, откуда они были выселены. При этом он предлагал внести уточнение о том, что восстановление в правах не подразумевает права выезда из мест вселения²⁴.

Анализ сведений, собранных В. Н. Земсковым, говорит о высокой динамичности и структурной неоднородности контингента спецпоселенцев ГУЛАГ. Так, по состоянию на 1 июля 1938 г., на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГ НКВД СССР числился 1 741 трудпоселок (позднее — спецпоселки), в которых проживало 997,3 тыс. трудпоселенцев (в более поздней терминологии — спецпоселенцев), или, в среднем, около 573 человек на поселок. Подавляющее большинство — это крестьяне, раскулаченные в 1930—1933 гг., но несколько десятков тысяч — «неблагонадежные элементы», выселенные из погранзон и крупных городов в середине 1930-х гг., особенно после убийства Кирова.

При этом доля трудпоселенцев в общем числе репрессированных (заключенных и трудпоселенцев) в конце 30-х гг. оставалась более или менее стабильной: в 1937 г. — 34,4%, а в 1939 г. — 31,6%. За этот же малый отрезок времени сократилась — и весьма резко — доля заключенных в тюрьмах (с 20,5 до 11,8%), тогда как доля заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа выросла с 45,1 до 56,6% (Земсков, 1991б, с. 74–75).

Третья демографическая катастрофа (1941–1948 гг.)

Что же касается потерь населения СССР и России во Второй мировой войне, то «динамика» официальных советских цифр выглядит следующим образом: при Сталине — 7 млн человек, при Хрущеве — 20 млн, при Горбачеве — 27 млн человек.

По сводным данным Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на 1 марта 1946 г., за годы оккупации погибло или было вывезено 14,1 млн человек мирного населения (к которым, впрочем, следует прибавить 642 тыс. умерших в Ленинграде блокадников). Огромный урон понесла Украина: даже без Крымской области на нее пришлось 52% погибших среди мирного населения, 34% погибших военнопленных и 49% угнанных на работы в Германию (соответствующие доли РСФСР — 11, 29 и 31%).

Задачу определения безвозвратных потерь СССР ставили перед собой многие исследователи, как из «стана» историков, так и из «стана» демографов. По-видимому, наиболее совершенный расчет содержится в коллективном труде демографов Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской (1990). Полная оценка всех людских потерь военного времени, по их мнению, может быть получена методом демографического баланса, при сопоставлении численности и состава населения на начало и конец войны. К середине 1941 г., по их расчетам, население СССР (в послевоенных границах) составляло 196,716 млн, а на начало 1946 г. — 170,548 млн человек, в том числе 159,456 млн человек — родившиеся до начала войны. Таким образом, страна не досчиталась 37,2 млн человек. Вычтя из этой цифры расчетную величину естественной смертности за 4,5 г. (11,9 млн человек), авторы получили искомую величину людских потерь — 25,3 млн че-

²⁴ См. Бугай, 1992, с. 42, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 3316, оп. 2, д. 1668, л. 1.

ловек. К ней, согласно методике, необходимо добавить повышенную смертность детей, родившихся в военные годы (1,3 млн человек). Следовательно, людские потери СССР военного времени оцениваются в 26,6 млн человек, что составляет 16% от послевоенного населения страны. Если же брать за основу не официальную (168 525), а альтернативную (167 937 тыс. человек) численность населения СССР по результатам переписи 1939 г. (в границах на 17 сентября 1939 г.), то сумму потерь надо уменьшить на 0,6 млн человек — то есть до 26,0 млн человек.

В общем объеме потерь более 76%, или 20,0 млн человек, приходилось на мужчин, причем наиболее пострадавшие когорты — родившиеся в 1901–1931 гг. (те, кому на начало войны было от 10 до 40 лет): на них приходится более 55% потерь! Вероятность остаться по окончании войны в живых для мужчин в возрасте (на начало 1941 г. и при уровне смертности 1940 г.) от 25 до 34 и от 15 до 24 лет была выше только по сравнению со стариками от 65 лет и старше!

Но наиболее смертоносным для советских граждан признаком в годы войны была принадлежность к евреям (а также цыганам), физическое уничтожение которых являлось одной из стратегических целей Гитлера. Так, по оценке М. Куповецкого, за годы войны еврейское население предвоенного СССР сократилось более чем на 36%, чему соответствует приблизительно 1,1 млн убитых или умерших. Важно отметить, что при этом не учитывается еще около 1,9 млн евреев, оказавшихся на территориях, аннексированных Красной Армией в 1939–1940 гг.: среди этой части еврейского населения потери были гораздо выше и составили 1,6 млн человек, или более 86%. Таким образом, суммарные потери еврейства на территории, соответствующей предвоенному СССР, чудовищны и оцениваются в 2,7 млн человек²⁵. Этот геноцид гитлеровцев против евреев стал крупнейшим за всю мировую историю преступлением против человечности и вошел в нее под названиями Холокост («Всесожжение», в переводе с древнегреческого), или Шоа («Катастрофа», в переводе с иврита).

Катастрофой стала война и для сети поселений Европейской России, как городских, так и сельских. По официальным данным, на оккупированной немцами территории СССР полностью или частично были разрушено или сожжено 1 710 городов и поселков и более 20 тыс. сел и деревень, уничтожено свыше 6 млн зданий, служивших кровом для 25 млн человек (К 50-летию победы..., 1995, с. 31).

Но и это еще не все. Вторая мировая война — это не только смерть и гибель людей, военнослужащих и гражданских. Это еще и неслыханные по своим масштабам перемещения людей: движения войск, эвакуация, депортации и компенсационные миграции, принудительная вербовка в Германию и принудительная репатриация из Германии, причем не одних только гражданских лиц, но и военнопленных.

Одних только эвакуированных за годы войны насчитывается до 15 млн человек. Операции военного времени по депортации так называемых «наказанных народов» — немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев и др. — затронули в 1941–1945 гг. более 2,3 млн человек, из них 1,2 млн пришлось на немцев. Около 8,7 млн советских граждан — в основном не по своей

²⁵ Куповецкий, 1995, с. 134–155 (см.: Kupovetsky, 1994, p. 25–35). См. также: Клокова, 1995, с. 79.

воле — пересекли государственную границу в западном направлении. С целью принудительного трудоустройства немцы вывезли в Рейх и в другие оккупированные ими страны 3,2 млн собственно «восточных рабочих», являвшихся гражданами СССР еще до 17 сентября 1939 г., кроме того 800–900 тыс. рабочих из аннексированных до войны польских и прибалтийских территорий. Еще не менее 1 млн человек приходилось на так называемых «беженцев» и «эвакуированных» — советских граждан, устремившихся в Германию вслед за отступающим вермахтом (точнее, перед ним). Беженцами, в основном, были люди, так или иначе сотрудничавшие с немецкой администрацией и по этой причине не питавшие иллюзий относительно своей будущности после восстановления советской власти, а эвакуированными, напротив, те, кого увозили насильно, очищая тем самым территорию, оставляемую Красной Армией, от населения, которое, в ином случае, могло бы быть использовано против немцев. Несмотря на столь принципиальную разницу между ними, беженцы и эвакуированные в отчетах и донесениях проходят как единый контингент. Еще 3,2 млн приходится на военнопленных, вывезенных немцами из СССР на запад, но не только и не обязательно в Германию, где их одновременное число никогда не превышало 1 млн человек (всего же из 5,7 млн советских военнопленных в плену умерло 3,7 млн!).

Многие коллаборанты пользовались в Германии значительными привилегиями. Еще более привилегированный статус имели советские немцы и финны, вывезенные, соответственно, в Германию (около 350 тыс. человек) и Финляндию (60 тыс. человек). Большая их часть после войны была насильственно репатриирована в СССР. Общее число советских граждан, насильственно репатриированных, согласно Ялтинскому и другим подобным соглашениям, в СССР, составило 5,7 млн человек. На западе сумели остаться порядка 0,5–0,7 млн так называемых «невозвращенцев», главным образом из числа прибалтов и славянских коллаборантов: они и составили костяк так называемой «второй волны» российской эмиграции (Полян, 1996).

Надо отметить, что демографические «беды» России с завершением войны не закончились. В 1947 г., в результате сильнейшей засухи и неурожая 1946 г., в СССР разразился очередной катастрофический голод. После снятия с государственного хлебного довольствия (по карточкам) 28 млн сельских жителей, людские потери, по разным оценкам, составили от 0,5 до 1,0 млн человек.

Десятки тысяч жизней унесла и вооруженная борьба украинских, белорусских и прибалтийских сепаратистов против советской власти, не утихавшая вплоть до середины 1950-х гг. В Западной Украине было физически уничтожено не менее 60 тыс. «активных» националистов, на десятки тысяч шел счет и в Прибалтике, особенно в Литве. Боевые потери советских войск составили, по официальным данным, не менее 26 тыс. человек (Россия в локальных войнах..., 2000, с. 491).

А вот международную «пригонку» населения к перекроенным после войны границам к проявлениям катастрофичности не причислишь, но и малозаметными не назовешь. Так, из вошедших в состав СССР восточной части Восточной Пруссии и южного Сахалина с Курильскими островами в 1944–1946 гг. в Германию было переселено 1 157 тыс. немцев, а в 1946–1956 гг. в Японию — 296 тыс. японцев и айнов (Марианьский, 1966, с. 193)²⁶.

²⁶ При этом корейцев, переселенных на Сахалин японцами, не тронули и оставили на острове.

В ходе окончательной демаркации новых границ с Польшей, Чехословакией и Румынией были произведены оптации, или взаимобмены территориями и населением²⁷.

Сальдо практически всех послевоенных обменов были не в нашу пользу и вели к тому или иному сокращению населения СССР. Та же тенденция сохранилась и в 1950-е годы, только речь шла уже не о миллионах и сотнях тысяч, а в лучшем случае о десятках тысяч человек²⁸.

Как бы то ни было, но предвоенная численность населения была достигнута и превзойдена только на 11-й год после окончания войны — в 1956 г.

Население России во второй половине XX века

Характерно, что все три демографические катастрофы пришлось на первую половину века. В плане общей эволюции населения России они настолько резко и серьезно подорвали демографический потенциал страны, что лишили ее того демографического выигрыша, который ей, как и другим странам, сулили демографический переход и вызванный им временный, но ускоренный рост населения. А когда Россия вышла из затяжной полосы катастроф и равновесие между снижением рождаемости и смертностью восстановилось, было уже поздно наверстывать упущенные возможности роста населения России естественным путем.

На ту же первую половину века, а точнее на 40-летие между 1914 и 1953 гг. пришлось и все массовые принудительные миграции. Только за советское время в порядке внутренних принудительных миграций было депортировано около 6 млн человек, а в порядке международных, включая сюда угон немцами остарбайтеров и насильственную репатриацию, — около 9 млн человек²⁹.

²⁷ Особенно впечатляющими были оптации с Польшей: 6 июля 1945 г. с ней было заключено Соглашение о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальности, проживающих в СССР, и на их выезд в Польшу, а также о праве на выход из польского гражданства лиц русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей, проживающих на территории Польши, и об их эвакуации в СССР. К 31 октября 1946 г. из Польши в СССР переселилось около 518 тыс. человек (в том числе на Украину — 482, в Белоруссию — 36 и в Литву — 14 тыс. человек). В то же время обратный поток был почти вдвое большим — около 1 млн человек (в том числе из Украины — 790, из Белоруссии — 231 и из Литвы — 70 тыс. человек). С. Максудов и В. Кабузан приводят еще более значительную цифру переселения польского населения в Польшу в 1945–1946 гг.: 1,5 млн человек (Кабузан, 1996, с. 234). Именно в ходе этого переселения Украину покинуло подавляющее большинство проживавших в ней поляков (прежде всего из Галиции, где до этого они были самой многочисленной нацией). Польское население Белоруссии и Литвы в основном не покинуло пределы СССР.

²⁸ Так, 28.04.1955 Совет Министров СССР принял Постановление № 858–517с «О репатриации из Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, ГДР, Корею, Китай находящиеся на территории СССР граждане этих стран». Например, общее число репатрировавшихся в 1958 г. в Польшу составило, по некоторым данным, около 87 тыс. человек, а в 1959 г. — около 30 тыс. человек (см. Морозов, 1998, с. 31, со ссылкой на: RO'I, Jaacov. The struggle for Soviet Jewish emigration, 1948–1967. Cambridge University Press, 1991, p. 254.)

²⁹ Тут, впрочем, неизбежен двойной учет, скажем, остоваца и репатрированного (см.: Полян, 2001).

И тем не менее, начиная с середины 1950-х гг., население России уже не испытывало тех катастрофических ударов, которые буквально потрясли и перетрясли его в первой половине столетия. Увечья, нанесенные возрастной структуре населения, понемногу заживали, и естественные демографические процессы — рождаемость, брачность и смертность — тоже понемногу — приходили в эволюционную норму. Локальные войны, в которых принимали то или иное участие советские военнослужащие, например в Корее, Алжире, Египте, Йемене, Вьетнаме, Сирии, Ливане, Анголе, Мозамбике и Эфиопии, Камбодже, Лаосе, Бангладеш и Афганистане³⁰, а также военные акции в Венгрии и Чехословакии и пограничные конфликты на советско-китайской границе, хотя и сопровождалась потерями личного состава, но потери эти, за исключением потерь «ограниченного контингента советских войск в Афганистане», были демографически не столь уж существенными (см. табл. 1.2.3). Что же касается потерь в Афганистане, то они все-таки впечатляют, не говоря уже о морально-психологическом воздействии «Афгана» и «афганцев» на социальную и криминогенную ситуации в стране.

Таблица 1.2.3. Людские потери советских войск в локальных войнах и конфликтах (1959–1989, чел.)

Локальные войны и конфликты	Безвозвратные потери (убитые, умершие и пропавшие без вести)	Санитарные потери (раненые, контуженные, больные и обмороженные)
Война в Корее (1950–1953)	299	— *
События в Венгрии (1956)	720	1 540
События в Чехословакии (1968)	96	87
Пограничные военные конфликты с Китаем на Дальнем Востоке и в Казахстане (1969)	60	99
Оказание военно-технической помощи странам Азии, Ближнего Востока и Африки (1962–1979)	145	—
Оказание военной помощи Афганистану (1979–1989)	14 751	469 685
Всего, за 1950–1989	1 620	471 411

* — нет данных.

Источник: Гриф секретности снят, 1993, с. 407.

После смерти Сталина практически перестали практиковаться депортации, и новые масштабные проекты властей, требовавшие значительных перемещений крупных контингентов рабочей силы, обеспечивались несколько более цивилизованными методами

³⁰ На официальном языке они назывались «оказанием военно-технической помощи другим странам» или «ликвидацией пограничных военных конфликтов» (Гриф секретности снят, 1993, с. 394–407).

(в частности, оргнабором и так называемыми «комсомольскими путевками»). Так, в ходе начатого уже в 1954 г. освоения целины в Казахстане и Западной Сибири по одним только путевкам ВЛКСМ было отправлено на целину более 350 тыс. человек (Зеленин, 1998, с. 121).

В то же время дух принуждения так и не выветрился, что особенно ярко проявилось после реабилитации большинства депортированных континентов и разрешения части из них возвращаться в родные места. Политика партии и правительства по-прежнему была весьма дифференцированной, никакой уравниловки не было.

Части репрессированных народов было предоставлено право вернуться на их прежнее местожительство на Северном Кавказе и Нижней Волге: 25 января 1957 г. зам. министра внутренних дел Толстиков подписал приказ «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенным в период Великой Отечественной войны» (Бугай, Гонов, 1998, с. 288). Немцам, крымским татарам, а также туркам-месхетинцам (и прочим депортированным из Закавказья) возвращение в правовое поле гражданства было обставлено запретом физического возвращения на родные земли³¹.

У тех же депортированных народов, кому путь на родину был открыт, процесс возвращения начался практически сразу вслед за обретением государственности и прошел очень быстро, хотя и с неодинаковой скоростью (см. **табл.1.2.4**):

Таблица 1.2.4. Доля численности некоторых из репрессированных народов СССР, проживавших в своих национальных образованиях (1959–1989, %)

Народы	1959	1970	1979	1989	1959–1989
Карачаевцы	84,3	86,1	83,3	83,0	– 1,3
Калмыки	61,2	80,4	83,3	84,2	+ 23,0
Чеченцы	58,2	83,1	80,9	76,8	+ 18,6
Ингуши	45,3	72,1	72,4	69,0	+ 23,7
Балкарцы	81,0	86,3	90,0	83,2	+ 2,2

Источники: Национальный состав, 1961; Национальный состав, 1990.

Быстрее всех на родину возвращались карачаевцы и балкарцы — более 80% в 1959 г., а вот калмыки (61,2%), чеченцы (58,2%) и особенно ингуши (45,3%) явно не торопились домой, хотя в случае с ингушами (да и с калмыками тоже) сказывалась их неполная территориальная реабилитация. Своего максимума показатель сосредоточенности этноса в своей республике у карачаевцев и чеченцев пришелся на 1970 г., у ингушей — на 1979 г., а у балкарцев и калмыков — на 1989 г.

³¹ Аналогичный запрет был фактически наложен и на корейцев, хотя они не входили в число спецпоселенцев.

Необходимо сказать и о так называемой **третьей волне** советской эмиграции, датируемой промежутком между 1948 и 1986 гг. Это, по сути, вся эмиграция периода «холодной войны», количественно укладываемая приблизительно в полмиллиона человек (что близко результатам «второй волны»). Качественно же она состоит из двух весьма непохожих слагаемых: первое составляют не вполне стандартные эмигранты — принудительно высланные и перебежчики, второе — «нормальные» эмигранты.

Количественно доминировали, разумеется, именно вторые. Суммарные показатели третьей волны, согласно С. Хайтману, таковы: за 1948–1986 гг. из СССР выехали около 290 000 евреев, 105 000 советских немцев и 52 000 армян (Heitman, 1987, p. 108). До 1980-х гг. евреи составляли решительное большинство эмигрантов из СССР, но в 1980-е гг. они уступила лидерство эмиграции немцам.

В середине 1960-х гг. по своим демографическим характеристикам Россия значительно сблизилась с большинством промышленно развитых стран мира. Однако длительная стагнация и даже рост уровня смертности в конце 1960-х и в 1970-х гг. вновь отбросил ее назад (см. **табл.1.2.5**).

В начале 1980-х гг. власти СССР, озабоченные картиной демографической стагнации и очевидными перспективами сокращения численности населения в Европейской части страны, предприняли попытки стимулировать рождаемость посредством «новой» семейной политики. В 1981–1983 гг. текущая интенсивность деторождения, действительно, повсеместно подскочила, но затем последовал ее даже еще более сильный спад. Вторая похожая волна роста пришла на 1986–1987 гг.

В 1985 г. государство решило поправить и ситуацию в области смертности. В результате одиозной «горбачевской» антиалкогольной кампании смертность резко сократилась, а ожидаемая продолжительность жизни — возросла, притом с невиданными ранее в развитом мире темпами (наилучшие показатели были достигнуты к 1987 г.). Но, как и в случае с рождаемостью, снижение смертности оказалось кратковременным явлением, за которым последовало катастрофическое ухудшение ситуации.

Демогеография ожидаемой продолжительности жизни в период кратковременного подъема также характеризовалась очевидной зависимостью — регионы с более высокой смертностью получили больший относительный выигрыш от ее снижения, что лишний раз подтвердило огромную роль алкогольно-зависимой компоненты смертности в территориальном разнообразии уровня процесса.

Региональные различия демографических процессов, формирующих режим воспроизводства населения (рождаемости, смертности, изменений возрастной структуры и др.), достаточно инерционны и во времени меняются медленно.

Быстрые и наиболее радикальные перемены, связанные с переходом от традиционного высокого уровня смертности и рождаемости к низким уровням этих процессов (демографический переход), в основном закончились к середине 60-х гг. В последующие десятилетия ведущей тенденцией было формирование универсального, единого типа воспроизводства населения на всем пространстве России. Можно считать, что

Таблица 1.2.5. Изменения численности населения Российской Федерации (1950–1998, млн чел.)

Годы	Численность населения, млн чел. (на начало года)			Доля в общей численности, %	
	всего	городского	сельского	городского	сельского
1950	101,4	43,7	57,7	43,1	56,9
1955	110,5	54,3	56,2	49,1	50,9
1960	119,0	63,7	55,3	53,5	46,5
1965	126,3	73,2	53,1	57,9	42,1
1970	130,1	81,0	49,1	62,3	37,7
1975	133,8	89,3	44,5	66,8	33,2
1980	138,3	96,6	41,7	69,8	30,2
1985	142,8	102,8	40,0	72,0	28,0
1986	143,8	104,1	39,7	72,4	27,6
1987	145,1	105,7	39,4	72,8	27,2
1988	146,3	107,1	39,2	73,2	26,8
1989	147,4	108,4	39,0	73,5	26,5
1990	148,0	109,2	38,8	73,8	26,2
1991	148,5	109,8	38,7	73,9	26,1
1992	148,7	109,7	39,0	73,8	26,2
1993	148,7	108,9	39,8	73,3	26,7
1994	148,4	108,5	39,9	73,1	26,9
1995	148,3	108,3	40,0	73,0	27,0
1996	148,0	108,1	39,9	73,1	26,9
1997	147,5	107,8	39,7	73,1	26,9
1998	147,1	107,5	39,6	73,1	26,9
1999	146,7	107,3	39,4	73,1	26,9
2000	145,9	106,5	39,4	73,0	27,0

Источник: Российский статистический, 1999, с. 53; Численность населения, 2000, с. 10.

сформировалась некая относительно стабильная или, точнее, чрезвычайно медленно трансформирующаяся пространственная картина типов режима воспроизводства в России.

Среди ее основных характеристик выделяются такие, как, например, северо-восточный градиент смертности (при котором уровень смертности увеличивается при движении с юга на север и с запада на восток), концентрическая вариация уровня рождаемости, соответствующая историческому распространению социальных норм малодетных семей (наиболее низкий уровень наблюдается в центральных областях Европейской части страны, и затем он постепенно увеличивается к югу, северу и востоку), сохранение, по выражению С. Захарова, демографического арьергарда в лице национальных республик и округов Северного Кавказа, Калмыкии, Сибири и Дальнего Востока (в них, несмотря на прогрессирующие изменения, еще сохраняются черты архаичности в демографическом поведении людей: высокая младенческая смертность, повышенная рождаемость, молодая возрастная структура и т. п.).

В 80-е гг. расселение РФ в целом вступило в стадию так называемого «интегрированного расселения», когда сети городского и сельского населения интенсивно взаимодействуют друг с другом и по существу сливаются воедино на основе стабильных и ежедневных трудовых, торговых, бытовых, культурных, рекреационных и других видов связи. Интенсивно формировались городские агломерации (ГА) — компактные и плотно заселенные ареалы территории с развитыми транспортной инфраструктурой и «маятниковой миграцией». Из отдельных ГА складывается общий опорный каркас расселения страны (ОКР), контролирующий до половины общего и до двух третей городского населения страны. Расселение в целом из некогда сплошного (повсеместного) и равномерного трансформировалось в «пятнистое», город и село без преувеличений становятся «сообщающимися сосудами».

В то же время суженный режим воспроизводства населения, установившийся к началу 80-х гг. на подавляющем большинстве территорий, уже не обеспечивает простое замещение поколений и, соответственно, рост численности населения за счет естественного прироста в длительной перспективе.

Депопуляционные тенденции в России просматривались еще с 60-х гг., когда отрицательный естественный прирост стал характерной чертой вначале сельского, а затем и городского населения Центра России. Естественная убыль сельского населения была вызвана сильнейшим миграционным оттоком молодежи из села, что какое-то время поддерживало потенциал роста городского населения, даже несмотря на низкую интенсивность деторождения в городах. Но уже к концу 70-х гг. источники поддержания положительного демографического баланса и в сельской, и в городской местности исчерпали себя. Быстро стареющая возрастная структура населения на фоне низкой рождаемости, не уменьшающейся смертности и стабилизации миграционных потоков, подготовила тенденцию к отрицательному приросту почти на всем пространстве России. К началу 90-х гг. большинство российских регионов оказалось перед лицом неотвратимой реальности отрицательной демографической динамики.

Тенденции конца 1980-х и 1990-х годов

Конфликтогенность этого исторического периода скорее усилилась, чем ослабла. Но изменился ее акцент: время участия в международных конфликтах прошло (в 1989 г. СССР вывел свои войска из Афганистана), но им на смену пришли межэтнические конфликты внутри СССР, а затем — и внутри России. Кровавые события в Сумгаите, Шевченко, Ферганской долине, Тбилиси и др. местах привели к жертвам среди гражданского населения, но обошлись без потерь среди военнослужащих. Далее без потерь уже не обходилось, и их счет, даже по официальным данным, составил десятки тысяч людей (см. табл. 1.2.6).

Таблица 1.2.6. Людские потери советских (российских) войск и гражданского населения в локальных войнах и конфликтах на постсоветском пространстве (1992 — наст. время, чел.)

Локальные войны и конфликты	Период времени	Безвозвратные потери войск	Санитарные потери войск	Потери среди гражданского населения
Конфликт в Нагорном Карабахе	1988 – наст. время	51	— *	—
Конфликт в Южной Осетии	1991 – наст. время	46	142	—
Гражданская война в Таджикистане	1992 – наст. время	232	1 499	Ок. 30 000
Конфликт в Приднестровье	1992–1997	24	—	—
Конфликт в Абхазии	1992 – наст. время	67	—	—
Осетино-ингушский конфликт	1992	27	—	—
Первая чеченская война	1994–1996	5 551	51 387	—
Боевые действия в Дагестане	1999	290	937	—
Вторая чеченская война	1999 – наст. время	2 095 (на 7.04.2000)	6 171 (на 7.04.2000)	—
Всего, за 1988–2000		8 383	—	—

* — нет данных.

Источники: Россия (СССР) в локальных войнах, 2000, с. 492–494.

Собственно демографические процессы в России в 1990-е гг. развивались под воздействием трех важнейших факторов: 1) долговременно действующих, сформированных российским вариантом демографического перехода; 2) связанных с преодолением последствий непродуманной «демографической политики» государства в 80-х гг., серьезно дестабилизировавшей эволюционную направленность естественного развития и 3) связанных с адаптацией к меняющейся политической и социально-экономической ситуации под воздействием реформ. Во всяком случае было бы грубой ошибкой трактовать неблагоприятие в демографической сфере как прямое отражение политического и социально-экономического кризиса 90-х гг.

Возмущающее воздействие государственного вмешательства в демографическую сферу в 80-х гг. было в значительной степени погашено изменениями 90-х гг. По авторитетному суждению А. Блюма и С. Захарова (1997), есть все основания предполагать, что между изменениями демографических показателей в 80-х и 90-х гг. имеется жесткая зависимость.

В начале 90-х гг. Россия в целом пребывала на переломе, наподобие тех, что бывают в послевоенное время: резкий спад производства, падение жизненного уровня, близкая к критической масса социальных, этнических и политических конфликтов — все это, в некотором роде, есть неизбежная «разруха» после сокрушительного идеологического и экономического «поражения» СССР в многолетней «холодной войне» с капиталистическим миром. Казалось, эволюционная полоса геодемографического развития позади: лавинообразный рост числа беженцев и вынужденных мигрантов, например, — один из типических индикаторов незэволюционной фазы развития.

Однако качественно новые пропорции эволюционных и незэволюционных черт трансформации расселения обнаруживают себя и в расселении. В предшествующие три десятилетия между 1959 и 1989 гг., несмотря на все колебания, тренд динамики был ясен и стабилен: сельское население сокращалось, а городское и общее население столь же неуклонно и повсеместно росло.

В начале 90-х гг. совершенно иной, чем прежде, стала динамика численности населения РФ и ее регионов. На всей территории РФ произошла смена характера соотношения естественного и механического движения населения как факторов развития расселения.

Как видно из табл. 1.2.5, рубежным оказался год 1992-й. Начиная с этого времени, городское население стало ежегодно сокращаться (его максимум, таким образом, пришелся на 1991 г. и составил 109,8 млн человек), а сельское — расти, в 1995 г. достигнув того же показателя, что и в 1885 г. Но начиная с 1996 г. сельское население опять переменило направление своей динамики: его прирост снова стал отрицательным. Несмотря на рост сельского населения в 1992–1995 гг., общая численность населения РФ в целом на протяжении всех 1990-х гг. неуклонно сокращалась.

Впрочем, ничего необычайно резкого и неожиданного не произошло. Темпы роста городского населения, начиная еще с 60-х гг., и без того неуклонно снижались (одновременно понижались и темпы сокращения сельского населения), так что смена знака сама по себе была неизбежной, и общегосударственный кризис лишь ускорил ее.

Среди внешнемиграционных процессов следует отметить мощный иммиграционный приток в Россию русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья (т. е. бывших советских республик) и усиление эмиграционного оттока в дальнее зарубежье, вызванное беспримерной для всей российской истории либерализацией законодательства о въезде и выезде во второй половине 1980-х гг. Оно сформировало так называемую четвертую волну российской эмиграции, «девятый вал» которой пришелся как раз на начало 1990-х гг. В первой половине 1990-х гг. эмиграционный поток из России колебался вокруг цифры в 90–100 тыс. человек³², позднее он несколько сократился. Поскольку этот период, в сущности, продолжается и сейчас, его количественные оценки нужно обновлять ежегодно. А всего за горбачевскую и ельцинскую эпохи пространство бывшего СССР покинуло около 1 млн человек.

Костяк «четвертой волны», как и волны третьей, составили эмигранты по этническому признаку. Речь идет в первую очередь об этнических немцах и евреях (в меньшей степени — о греках и армянах³³, в еще меньшей степени и в самое последнее время — о поляках и корейцах). Фактическое начало (точнее, возобновление) новой еврейской эмиграции датируется апрелем 1987 г., но статистически это сказалось с некоторым запозданием. Принципиально новым моментом явилось наличие третьего, наряду с Израилем и США, центра притяжения еврейского населения на постсоветском пространстве, а именно Германии, создавшей правовые предпосылки для иммиграции не только немцев, но и евреев из стран бывшего СССР.

Что же касается собственно немецкой эмиграции из СССР в ФРГ, то она началась еще в 1951 г., когда выехал 1 721 этнический немец. 22 февраля 1955 г. Бундестаг принял решение о признании ФРГ гражданства, принятого во время войны, что распространило действие «Закона об изгнанных» на всех немцев, проживавших в Восточной Европе. Уже к маю 1956 г. в немецком посольстве в Москве скопилось около 80 тыс. заявлений советских немцев на выезд в ФРГ (Кригер, 1997, с. 5). В 1958–1959 гг. число немецких эмигрантов составило 4–5,5 тыс. человек. Долгое время рекордным был результат 1976 г. (9 704 иммигрантов). В 1987 г. «пал» 10-тысячный рубеж (14 488 человек), после чего практически каждый год планка поднималась на новую высоту (человек): 1988 г. — 47 572, 1989 г. — 98 134, 1990 г. — 147 950, 1991 г. — 147 320, 1992 г. — 195 950, 1993 г. — 207 347 и 1994 г. — 213 214 человек. В 1995 г. планка устояла (209 409 человек), а в 1996 г. — двинулась вниз (172 181 человек), что объясняется не столько политикой воссоздания благоприятных условий для проживания немцев в Казахстане, России и т. д., сколько предпринятым правительством ФРГ ужесточением регламента переселения.

Тем не менее 1990-е гг. стали, по существу, временем самого что ни на есть обвального исхода российских немцев из республик бывшего СССР. Всего оттуда в ФРГ за

³² Вероятно, фактическая эмиграция несколько больше официальных данных, так как эмигрантами становятся и некоторые из тех, кто выезжает на короткий срок по туристской визе.

³³ Необходимо отметить, что ранее армянская эмиграция играла более существенную роль, чем теперь. В 1950-е гг. 12 тыс. человек эмигрировали во Францию, а за последующие 30 лет — 40 тыс. человек в США (см.: Heitman, 1987, с. 108).

1951–1996 гг. переселилось 1,5 млн немцев и членов их семей (**табл. 1.2.7**). К началу 1997 г. в Казахстане, по некоторым оценкам, осталось менее $\frac{1}{3}$ проживавших там ранее немцев, в Киргизии — $\frac{1}{6}$, а в Таджикистане немецкий контингент практически исчерпан. Интенсивность немецкой эмиграции из России гораздо ниже; мало того, отмечается заметная немецкая иммиграция из среднеазиатских государств в Россию (Бине, 1997, Кригер, 1997, с. 5).

Таблица 1.2.7. Динамика потока немецких переселенцев из бывш. СССР в Германию (1951–1996)

Периоды времени	Немецкие переселенцы из бывш. СССР (человек)	Их доля в общем числе немецких переселенцев в Германию (%)
1951–1955	1 956	3,3
1956–1960	14 086	4,8
1961–1965	3 593	3,9
1966–1970	3 593	2,9
1971–1975	21 591	17,5
1976–1980	41 613	15,8
1981–1985	8 664	3,8
1986–1990	308 537	28,1
1991–1995	972 866	87,5
1996	172 181	96,7
Всего за 1951–1996:	1 549 490	43,2

Рассчитано по: Bundesausgleichsamt, Statistischer Bericht Az.: I/2 Vt 6838, 6. Dezember 1991; Info-Dienst Deutsche Aussiedler: Januar 1993, Nr. 38, S. 39; Januar 1994, Nr. 49, S. 15; Januar 1995, Nr. 63, S. 4; Januar 1996, Nr. 75, S. 3; Bundesverwaltungsamt, Jahresstatistik Aussiedler 1996 (сердечно благодарим д-ра Б. Дитц, Мюнхен, за предоставленные первичные данные. — П. П.).

Если в начале 1990-х гг., т. е. приблизительно на момент распада СССР, из России и Украины (а также Туркмении) выехало около 14–15% имевшегося там немецкого населения, то из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана — порядка 20–25%, а из закавказских республик — даже более 35% (Heinkel, 1994, с. 445–458). Эти различия достаточно показательны для того выталкивающего давления, которому подвергается немецкое население на территории бывшего СССР. И сегодня в общем потоке немецких репатриантов из бывш. СССР за 1992–1996 гг. доминирует Казахстан (в среднем 56,0%), хотя его доля при этом (так же, как и государств Средней Азии) неуклонно снижалась: доля же России, напротив, росла и составила в среднем 32,7%.

Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский в демографическом контексте века

Так уж сложилось, что В. П. стал очевидцем всех трех демографических катастроф XX века в России. Однако в первое десятилетие века, когда он работал над книгой «Город и деревня», он не только не мог их предвидеть, — он их даже помыслить себе не мог. Его собственная смерть в блокадном Ленинграде стала частицей того 600-тысячного мора, которым обернулась война для его родного города, и той чудовищной цифры в 27 миллионов человек, которой оцениваются сегодня общие потери населения СССР в результате войны.

А разве мог он представить себе чудовищные этнические последствия Второй мировой войны, в особенности Холокост — последовательное и поголовное истребление евреев? А ведь Россия, насчитывавшая в начале столетия самое многочисленное еврейское население в мире (более 5 млн человек), закончила век где-то посреди первой десятки стран и всего с 200–300 тысячами евреев среди своих жителей (в чем, правда, велика «заслуга» и суженного демографического воспроизводства и усиленной эмиграции среди оставшихся в живых).

В контексте же развития расселения и, в частности, тех его аспектов, на которых останавливался сам В. П., главным направлением спрогнозированных им изменений действительно стало мощное возвышение городских форм поселений, а вместе с ними — и азональных типов расселения (за исключением, быть может, рыболовного). Особенно это касается горнозаводского, железнодорожного и курортного типов, мощное наложение которых на зональные структуры не просто «смазало» сложившийся рисунок расселения, но коренным образом перестроило сами эти структуры. Сама азональная типология безусловно обогатилась за столетие: например, за счет «наукоградов», к числу которых можно отнести и большинство так называемых «закрытых городов».

Почти все столетие прошло под знаком ускоренной урбанизации, проявившейся в возникновении новых и росте старых городских поселений, включая сюда и поселки городского типа. Но городское и сельское расселение уже далеко не столь обособлены и автономны, как это было в начале века. На смену достаточно примитивным стадиям эволюции расселения — автономному и концентрированному расселению, в терминологии Ж. Зайончковской, пришла следующая стадия — интегрированное расселение.

Появились характерные для нее качественно новые урбанистические образования смешанного типа — городские агломерации, конурбации (слившиеся города), мегалополисы. Это, по сути, мощные узлы и ареалы концентрации как городского, так и сельского населения, на их основе формировался и опорный каркас расселения.

Конечно, произошло это отнюдь не повсеместно, а лишь в наиболее мощных узлах концентрации промышленно-городской жизни. Но и там, где до сих пор преобладает сельское расселение, характер его территориальной структуры так же претерпел внутреннее и весьма разительные трансформации³⁴.

³⁴ См. главы 3.1–3.5.

Часть вторая

Город